

18+

Астра Голд

До последнего
поцелуя

Астра Голд
До последнего поцелуя

«Автор»

2026

Голд А.

До последнего поцелуя / А. Голд — «Автор», 2026

Я не самая прилежная студентка, а факультет травников и вовсе навязан отцом, чтобы продолжить славную историю лекарей Элвудов. Поэтому я постоянно доводила декана и его зама. Поэтому сразу после первого курса вместо каникул меня сослали на практику в Приграничье, в мрачный замок Карветхолл. Ещё и замдекана отправили приглядывать, чтобы не натворила чего. Пережить месяц практики стало куда сложнее, когда рядом появился правитель этих земель — герцог Ланред.***— Закройте глаза, — с улыбкой произнес Хальтен.— Обещайте, что не сунете в нос какую-нибудь гадость! — Только сертифицированную гадость, — усмехнулся Хальтен. Ещё живее, ещё задорнее. Я и сама не смогла сдержать улыбку. Он стянул галстук с шеи и подошёл ближе.— Для надёжности, — пояснил замдекана, и голос у него стал почти интимным шёпотом.

© Голд А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1 глава	5
2 глава	8
3 глава	12
4 глава	15
5 глава	19
6 глава	21
7 глава	24
8 глава	28
9 глава	31
10 глава	34
11 глава	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Астра Голд

До последнего поцелуя

1 глава

Болото затягивало медленно, аккуратно, почти нежно. Я лежала на спине, не в силах даже дёрнуть плечом, чувствуя, как холодная топь тянет вниз сначала бёдра, потом поясницу. Чёрная, густая вода блестела сквозь пожухлую траву и не отпускала. Болото нервно дышало, спеша поглотить свою жертву.

Надо мной нависли голые, скрюченные ветви. Вывернутые, словно у леса когда-то были кости и их сломали изнутри. Вместо листвы болтались бледные серо-зелёные лишайники. Выцветшие, как волосы утопленниц.

Я не могла пошевелиться. Паника приходила рывками: то накрывала так, что хотелось орать, то отпускала, и тогда я слышала только собственное хриплое дыхание и тихое чавканье топи.

Между мёртвыми кронами и низкими тучами кружил дракон. Серо-пепельный, огромный. Таких принято называть «старшими драконами». Из-за их размеров, силы и древней крови в венах. Он не спешил. Делал широкий круг, ещё один, опускался ниже по чётко выверенной спирали. Он знал, что я никуда не денусь.

От него не сбегали и не прятались. Вместе со страхом, внутри меня шевелилось другое чувство. Уже не любопытство и лёгкий стыд, приправленный чувственным влечением, а полная безысходность.

Дракон опускался ниже. Я уже различала изгиб шеи, узоры чешуи и вспышки жёлтых глаз. Даже в небе они оставались такими же холодными, голодными и слишком внимательными. Так не смотрят на случайную студентку, приехавшую на летнюю практику в Приграничье. Он желал не только мою жизнь, но и всю меня.

И вдруг над ним вспыхнуло фиолетовое пятно. Я моргнула, не сразу осознавая, что вижу. Второй дракон. Намного меньше. Стремительный. Безумно смелый.

Ирмина. Это её цвет, её манера пикировать, как бесстрашная маленькая птичка. Она неслась на герцога без малейшего колебания, словно в мире не существовало ни страха, ни разницы в размере, ни здравого смысла.

Их тела столкнулись в воздухе с глухим треском. Я почти ничего не видела сквозь ветви, только рваные силуэты, но слышала все: рёв, удар крыльев, хруст, всполохи огня. На секунду небо стало белым, потом багровым.

Ирмина нырнула вниз, уходя от удара, и я заметила на её спине наездницу. Даже отсюда, снизу, я узнала копну светлых волос и посадку Вивиан — упрямую, волевою, до безумия уверенную. Она припала к шее драконицы так тесно, будто стала частью её тела.

Пепельный дракон развернулся в воздухе с пугающей лёгкостью для такого огромного тела, и хлестнул Ирмину хвостом. Удар пришёлся по крылу. Фиолетовая драконица сорвалась вниз и почти скрылась за верхушками мёртвых деревьев. У меня сердце подскочило к горлу — слишком резко, слишком близко. Но в последний миг она выровнялась, с силой ударила крыльями по воздуху и снова рванула вверх, навстречу великану.

Из пасти противника вырвалось пламя, освещаая тучи. Ирмина смогла увернуться в последний момент.

Фиолетовая вспышка скользнула под пламенем, почти по самой линии огня. Воздух утробно загудел. На мгновение показалось, что у меня обгорели ресницы, хотя между нами было целое небо.

Ирмина взмыла выше и обрушилась сверху, целясь когтями в шею. Они с Вивиан пытались подступиться к слабому месту. Известный подход. Не честный, но девчонкам не до благородства.

Они сцепились так близко над землёй, что я наконец увидела их по-настоящему. Пепельная чешуя дракона была испещрена тёмными прожилками, словно под ней ещё тлел жар. Чешуя Ирмины, наоборот, отливала холодным аметистом, и на каждом резком повороте по ней пробегали электрические блики. Когти ударили о когти. Челюсти щёлкнули у самой морды. Дракон попытался вцепиться ей в плечо, но Ирмина вывернулась, полоснула его по боку и отлетела, оставив в воздухе дугу тёмной крови.

Он взревел, раскатами грома грохоча над землёй.

Всего лишь небольшая рана. Для дракона не смертельно. Вивиан это знала.

Она подняла руку, и в ней что-то коротко блеснуло. Не копьё. Нож? Меч? Заклинательный шип? Я не поняла. Но в следующую секунду Ирмина резко нырнула влево, почти сложив крыло, а Вивиан метнула этот блеск прямо в морду дракона.

С неба посыпались искры, а за ними куски раскалённой чешуи.

Один такой кусок шлёпнулся в болото рядом с моей щекой и зашипел, погружаясь в чёрную жижу. Запахло палёным мясом. Я зажмурилась, потом снова уставилась вверх, не в силах отвести взгляд.

Дракон засуетился, ударил пламенем вниз, себе под грудь, пытаясь отсечь Ирмину огненной стеной. Полыхнуло так, что небо на секунду исчезло. Жар добрался даже до меня; болото вокруг забулькало, выбрасывая густые вонючие пузыри. Несколько сухих ветвей вспыхнули над головой, осыпая лицо пеплом.

Сквозь огонь вылетела Ирмина. Опалённая. С обугленным краем крыла. С тёмной полосой крови на шее. Но живая.

Вивиан вытянула из-за спины длинное копьё и вцепилась в него двумя руками. Она поднялась на спине драконицы в полный рост, и на миг у меня перехватило дыхание не от страха — от невозможности происходящего. Ветер рвал её волосы назад. Под ней рвалось, ревело, билось в воздухе огромное фиолетовое тело. Перед ней разворачивался страшный, раненый и потому смертельно опасный дракон.

И Вивиан улыбалась. Улыбалась и не собиралась отступать.

Копьё вошло дракону в грудь.

Он взвыл. Огромное тело дёрнулось, завалилось набок, закружилось. Огонь рванул из пасти коротким, захлебнувшимся всплеском.

И в этот же момент из туч вырвался ещё один дракон. Ослепительно-белый, по размерам ничуть не уступающий Ланреду. Я знала его. Совершенно точно знала, но сейчас не могла вспомнить откуда.

Всё это время Ирмина и Вивиан отвлекали врага, изнуряли его. Теперь настал черёд нанести последний удар, для которого у подруг попросту не было сил.

Девчонки едва успели отлететь, и белый дракон вцепился когтями в шкуру герцога, добираясь до его сердца. Наверяд ли в его груди было что-то, кроме тьмы, но белый дракон не сдавался.

Два чудовища сцепились крыльями, когтями и огнём, превратившись в единый сгусток пламени.

Оглушающий вой пронзил всё пространство, вокруг драконов образовалось чёрное облако. Из него вырвалась туша пепельного дракона и камнем полетела вниз.

На меня.

Сквозь рваные просветы ветвей я наблюдала, как он падал — тяжёлый, уже почти мёртвый и всё равно страшный. Я не могла закрыться, не могла перевернуться. Даже закричать не могла.

В ужасе наблюдая, как прямо на меня летит объятая огнём туша, я думала только об одном: всё начиналось совсем невинно. И как простая летняя практика в Академии крылатого пламени могла привести меня именно сюда, в это мёртвое болото?

2 глава

— Ох, Мильна Элвуд, что же с тобой делать?

— Перевести на боевой факультет и забыть как страшный сон! Или на любой другой, без разницы!

Снова кабинет декана Харбека Ламата, насквозь провонявший травами и настойками. Среди старинной каменной кладки, кованой люстры и дубового стола, выдавшего ещё морских драконов, очень странно выглядели современные гаджеты, разбросанные вокруг большого монитора.

Здесь я бывала чаще, чем в собственной комнате.

Сам декан едва уместился в большом кресле, с трудом сцепив толстые пальцы на объемном пузе, и разочарованно вздыхал.

— Мильна, дорогая моя, этот разговор снова никуда не приведет. Боевой факультет — не место для талантливого травника. Твой дар спасти жизни, облегчать страдания, создавать новые лекарства, но никак не летать на спине дракона с мечом наперевес.

Декан приподнял руку, изображая меч в руке, и скорчил недовольное лицо. Оружие он недолюбливал, как и боевой факультет. А я ненавидела всё, что связано с травами и целительством. Из-за этого у нас с Ламатом были споры на грани скандала почти каждый день.

— Пойми, дорогая моя, есть способные лекари, есть талантливые, а есть ты — чей дар целительства в крови. Семья Элвуд столетиями служит при королевских дворах людей и драконов, и тебе дорога туда же.

— Ненавижу королей! Ненавижу дворы! Ненавижу лекарьство!

И снова обречённый вздох декана. В эту игру мы играли уже год, с самого моего поступления в Академию. Вернее, заточения. Мне, как Элвуд, поступать не пришлось — дар был раскрыт ещё в детстве. Родители ждали совершеннолетия, чтобы швырнуть в необъятные объятия старого друга семьи Харбека Ламата, в надежде, что он выбьет из меня дурь и сделает достойным наследником семьи.

Подсказка: не сделает! Не позволю! Не хочу идти по протоптанной дорожке семьи Элвуд, а потом до конца дней служить личным лекарем при дворе какого-нибудь напыщенного герцога, высокомерной королевы и избалованных наследников.

— Это твоя судьба, — нахмурился декан. — Сильнее семьи не найти на всём свете. Ты должна...

— Не должна!

— Обязана...

— Не обязана! Никому! К чёрту вас!

— Нельзя ругаться в стенах Академии, — нахмурился декан. Ещё слово — и он взорвётся криком.

— И что вы сделаете? Исключите?

Ламат потянулся толстыми пальчиками к телефону, поглядывая на меня исподлобья.

— Пожалуюсь родителям!

Сегодня минутка доброты и заботы закончилась особенно быстро.

Я подскочила с места, фыркнула в лицо декану и направилась к выходу.

— Да жалуйтесь сколько влезет, меня только не трогайте!

Последний аккорд любого спора — громко хлопнуть дверью. Кажется, даже штукатурка с потолка посыпалась. А нечего было бесить!

Длинные коридоры закрытой Академии никак не хотели заканчиваться. Каждый, кто проходил мимо — студенты, преподаватели, служащие — не скрывали важности пребывания в стенах этого заведения. Академия, из которой выпускаются только лучшие: алхимики, маги

и чёртовы лекари. Студентов легко узнать по разноцветным костюмам, где каждый цвет — принадлежность к факультету.

Основа Академии — драконы. Их узнать ещё проще. У них на роже всё написано.

Изначально заведение было только для чешуйчатых, но со временем стали и людишек принимать. Лучше бы оставались закрытыми от смертных, не пришлось бы тратить годы на обучение.

Коридоры закончились мраморными лестницами и изумрудной поляной, на которой студенты, развалившись на траве, что-то зубрили, тренировались в магии и просто ждали, когда же закончатся последние учебные дни, чтобы на лето вернуться домой.

Дом. Там одни разговоры о моём будущем. Отец наверняка уже подбирает государя, у которого буду служить, а матушка — жениха. Надо же продолжать род Элвуд, вот она уже полгода ищет женихов среди сильных целителей.

— Бу-э, — вслух возмутилась я, чем привлекла внимание парочки на траве. — Это я не вам. Хотя, вам тоже.

За кустами цветущей золотой сирени спряталось женское общежитие. Я делила жизнь в Академии ещё с двумя девочками: Вивиан и Ирминой. И если к Вивиан вопросов не было — она такой же человек, как и я, то Ирмина была той ещё фиолетовой штучкой. В прямом смысле слова. Дочь королевского советника и настоящая, чёрт её дери, сиреневая драконица! Дерзкая, смелая, сильная и училась на том самом боевом факультете, о котором я могла только мечтать.

— Не подрались? — с огоньком в глазах спросила Ирмина, едва я переступила порог нашей комнаты.

— Не. Сегодня просто ругались.

— Эх, жаль.

— Когда-нибудь ты его доконаешь, — флегматично заметила Вивиан, распластавшись на широком подоконнике и подставляя лицо солнечным лучам. — Он придумает очень изощрённое наказание.

— Какое? Исключит? Жду не дождусь!

Я плюхнулась за крохотный стол, стоявший между тремя кроватями, размышляя, чего хочется больше: ещё раз проверить периметр на брешь и попробовать сбежать или приготовить ароматный чай, а потом принять горячую ванну? Обе идеи выглядели недурно.

Едва чайник закипел, завибрировал телефон. Снова Ламат. Требовал срочно к нему подойти.

— Ну чего ему ещё надо? — проворчала под нос.

— Недоорал, — фыркнула Ирмина.

— Или придумал план мести, — хитро улыбнулась Вивиан.

И снова бесконечные коридоры. В этот раз путь от общежития до кабинета декана я проделала максимально быстро. Злость подгоняла.

— Если решили исключить, покажите, где поставить подпись! — с порога заявила я, хлопнув дверью.

Взгляд не сразу выцепил постороннего. Замдекана Хальтен Кайлэн. Единственный человек в верхушке Академии. Наверно, очень тщательно целовал задницы драконам, раз заслужил такую должность, ещё и будучи не старым пердуном.

— Мильна! Рад видеть вас в добром здравии, — нарочито миленько произнёс замдекана и так же сладенько улыбнулся. Фу! Подхалим!

— Если вы про инцидент на уроке зельеварения, то никто не пострадал. Кроме бороды и парика Энгрина.

— Оставьте в покое парик старика Энгрина! — рявкнул декан и перевёл на меня подозрительно серьёзный взгляд. — Мильна, я только что разговаривал с твоими родителями, и нам пришла чудесная идея.

— Перевести, наконец, на боевой факультет? Исключить?

Я аж подпрыгнула от радости.

— Нет! Никто тебя исключать не будет! Поедешь на летнюю практику!

Я так и стояла с открытым ртом, безуспешно соединяя звуки в смысл. Надо было что-то сказать, но слова предательски застревали в горле. Много слов. В основном нецензурных.

— Понимаю, рано, — ухмыльнулся Ламат, и подхалим Кайлэн тоже растянул улыбочку. — Обычно практика начинается после второго курса, но ты у нас не совсем обычный студент. Так ведь, наследница Элвуд?

— Чего? Куда? Какая ещё практика?

— Мы подумали и решили, что Карветхолл будет в самый раз.

Приграничные земли. Место, куда нормальный человек в трезвом уме не пойдёт. Непроходимые леса и зловонные болота, в топях которых могут сгинуть даже драконы. Ни птиц, ни зверей там не водится уже сотни лет.

Всё из-за истончившейся границы, в простонародье называемой Брешию. Не между странами, а между мирами.

Тысячи лет назад со стороны тех болот в наш мир проникла армия чёрных призраков — брозогии. Питаясь душами людей, они почти уничтожили всё живое, и только драконы смогли их одолеть.

Сильнейшие маги пытались закрыть границу между мирами, но как ни старались, надёжный щит так и не вышел. Слишком уж сильна была магия на той стороне.

С тех пор возле Бреши возник Карветхолл во главе со старинным драконьим родом Неммор. Те ещё высокомерные засранцы.

— Вы что, смерти моей желаете? — с трудом выдавила я. — Какой ещё Карветхолл? Да там даже в мае снег! Кто решил?

— Твой отец уже договорился с герцогом Карветхолла.

— Там Бреши! Они тыщу лет в состоянии войны! — почти срывалась я на крик. — А ещё страшные брозогии! Там только драконы могут выжить!

— Метите на боевой факультет, но боитесь страшилок про брозогов? — решил вставить что-то умное замдекана. И опять улыбнулся как идиот.

— Вот сами и поезжайте в болота и грязь.

Хальтен улыбнулся ещё шире:

— Я и поеду. Вместе с вами. Надо же хоть кому-то приглядывать за взбалмошной студенткой. А то ещё ненароком сожжёте хвост герцогу Ланреду.

— Но... я... Да вы очумели!

Ламат упёр руки в край стола, отчего стал выглядеть ещё толще и грозно свёл густые брови у переносицы.

— Всё решено, Мильна Элвуд! Собирай вещи. Завтра с господином Кайлэном вы отбываете в Карветхолл!

И снова хлопанье дверьми, бесконечные звонки матери, нытьё с подружками. Всё это напускное. Мама ответила, что таково решение отца. Подруги похихикали и пожелали отличной практики.

— В Карветхолле есть... болота, уродливый замок и офигенных размеров Бреши в небе, — подначивала Ирмина, листая в магофоне изображения Приграничья.

— И герцог дракон, — кивала Вивиан, посматривая на экран. — А у него сыночек ничего так. На лицо странноватый, зато принц.

— Ему шестнадцать, — нахмурилась Ирмина.

Вивиан качнула головой.

— Н-да, мелковат парнишка. Тогда, раз это Приграничье, выбери военного. Уверена, там толпы симпатичных солдат и не менее симпатичных офицеров.

— Да, да! — воскликнула Ирмина. — Какой-нибудь генерал драконов точно разобьёт твоё девичье сердечко.

— Да вы угораете, что ли! — не выдержала я. — Какие, к чертям, принцы? Какие генералы? Лучше скажите, как отмазаться от поездки?

Девчонки одновременно пожали плечами.

— Никак. Если твой отец договорился с самим герцогом Карветхолла, то, подруга, извини.

Все, кто меня окружал, знали — отмазаться не выйдет. Можно ругаться с деканом, фыркать в лицо молодому Хальтену, протестовать, злиться, топтать ногами. Но всё это меркнет перед королевской кровью. Легендарные травники и лекари Элвуд не выше правителей. Мы их оберегаем, спасаем, служим им, но не вправе лекарь противиться приказам.

3 глава

Другой конец страны. Фактически другой мир. Скоростной поезд летел через города, поля и деревушки, оставляя позади ненавистную Академию. Но часть её, в лице Хальтена, пребывала со мной.

Замдекана сидел напротив, уставившись в окно. На такой скорости ничего толком не разглядеть, но он усиленно делал вид, что изучает пейзаж.

Странно было наблюдать главного лизоблюда Академии в строгом костюме, вместо зелёной мантии. Будто другой человек. Тёмные волосы больше не зализаны назад, как у прилежного ученика, накрахмаленная рубашка под пиджаком светилась белизной, и даже его тёмный взгляд стал светлее. Нет больше снисходительной улыбки, чересчур прямой спины и нахмуренных бровей.

Хальтен превратился в простого человека. Не самого уродливого, стоит признать.

Я рядом с ним выглядела неопрятной хулиганкой. Узкие джинсы, пёстрая майка, джинсовка с потёртостями. Тёмные волосы небрежно убраны в хвост, чтобы не лезли в лицо. Отец очень хотел сделать из меня настоящую манерную леди в красивом платье. Я же назло ему одевалась в удобное, а не в красивое.

— Хотите взглядом насквозь прожечь? — не отрываясь от окна, спросил Хальтен.

— Нет. Пытаюсь понять, как вы смогли уговорить родителей отправить меня на смерть.

Замдекана всё же оторвался от окна. Надменная улыбочка тут же вернулась на его лицо.

— Пора взрослеть, Мильна Элвуд. Так считают ваши родители, и Академия с ними полностью солидарна. Карветхолл — не самое приятное место, зато быстро научит необходимым целителю основам.

Вот вроде молодой, а говорит как старикашки с длинными бородами. Нельзя же быть таким... деревянным!

— Да посмотрите вокруг, замдекана! Драконы летают на самолётах, люди идут не к целителям, а в больницы. Магия никуда не делась, но телефон с интернетом выглядит не менее волшебно. Мир изменился, и вам надо подстраиваться под него. Уверена, Карветхолл — не цитадель защитников мира живых, а всего лишь мрачное место среди болот с герцогом-самодуром!

— Вы, главное, герцогу Ланреду этого не говорите, — нахмурился Хальтен. — Приграничные места славятся поверьями, традициями и строгостью законов.

— Никто не тронет Элвудов, — фыркнула я.

— Вспомнили о своей фамилии? Браво. Не забывайте и о том, что, помимо статуса, фамилия несёт и обязательства. В Карветхолле давно ждут сильного целителя. Ожидают вас, Мильна.

Я моментально напряглась. Кажется, прямо сейчас Хальтен сказал чуть больше, чем следовало. Почему среди болот ждут именно меня? Что, в мире мало целителей?

— Меня? — уточнила я. — Вот прям меня?

— Таков уговор между герцогом Ланредом и вашим отцом. После обучения вы, вероятнее всего, вернётесь на полноценную службу в Карветхолле.

Вот это поворот. Значит, всё было решено за моей спиной, а я просто болванчик, которым управляют деканы и собственный отец. А против папы я пойти побоюсь. С мамой ещё могу повздорить, но с отцом... Вот уж нет, с ним ругаться страшно.

— Не переживайте так сильно, Приграничье не терпит страх, — надменно усмехнулся замдекана. — Без вашего согласия герцог не получит нового целителя. Но и наглеть не советую. Голова держится на шее, а не на фамилии.

Хальтен снова вернулся к разглядыванию пролетающего пейзажа, сделав вид, будто меня не существует.

Не надо меня пугать, я знаю правила поведения. Ну, может, не все до единого. Половину занятий по этикету я просидела либо в телефоне, либо в кабинете декана. Но принципы знаю с детства. Неважно, кто правитель — человек или дракон — в основе его доброго отношения будет твоя фамилия, напускная вежливость и максимально низкий поклон.

Что же касается самого Карветхолла, то там относительно тихо уже много сотен лет. Никакое зло из Бреши не лезло, а брозогии превратились в детские страшилки. Не удивлюсь, если окажется, что в замке оружие давно заржавело, воины отрастили пузища, побольше, чем у самого Ламата, а страшные истории о невозможности закрыть Брешь, нужны исключительно для пополнения местной казны.

На конечной станции мы вышли последними. Поезд шипнул, закрыл двери и почти сразу ушёл назад, в нормальный мир. Туда, где на платформах пахнет кофе, ругаются таксисты и кто-то вечно кому-то машет.

Здесь не машут с улыбкой и не обнимают при встрече. Здесь только вечные тучи над самой головой и стаи воронья, кружащие над стеной изуродованного леса. Даже воздух в этом месте иной: тяжёлый, вязкий, пробирающий до мурашек.

Площадь перед вокзалом стояла пустая. Ни людей, ни машин, ни даже бродячей собаки. Только ветер — сырой, липкий, неприятный — гонял по камням серую пыль и трепал облезлые вывески на почерневших домиках. Я поёжилась и крепче вцепилась в ярко-розовый чемодан.

— Весело, — фыркнула я и испугалась собственного голоса.

Хальтен только посмотрел по сторонам. Даже он стал собраннее и серьезнее. Больше никаких дурацких улыбочек, лёгких подколов и шуточек. В Приграничье нет места шуткам.

Посреди этого уныния блестел один-единственный предмет, настолько чужой здешней мертвенности, что я сначала решила: померещилось. Чёрный лимузин. Отполированный до зеркального блеска. На дверце — золотой герб Неммор.

— За нами, — тихо сказал Хальтен.

Я кивнула, будто и так не было ясно. Внутри машины на мгновение вернулось ощущение цивилизации. Кожаный салон, яркие кнопки, приятный запах дорогого авто. Пахло чем-то ещё — болотной водой, что ли.

Мы тронулись без слов.

Сначала потянулись поля. Плоские, пожухлые, будто их когда-то выжгли, а потом забыли закопать. Земля лежала серо-бурая, с проплешинами белёсой соли. Ни травы. Ни машин. Ни следов жилья. Мёртвые земли. Такие, где живому делать нечего. Я смотрела в окно и пыталась не думать о том, что именно здесь, по легендам, зло однажды проснулось и так до конца не уснуло.

Потом начался лес.

И мне впервые стало по-настоящему не по себе.

Деревья стояли тесно, плечом к плечу, как войско, которому велели замереть. Искривлённые чёрные стволы, с узлами и наростами, походили на скрюченные тела. Голые ветви тянулись в туман, и на них свисали длинные серо-зелёные лишайники — как истлевшие знамёна. Ветер шевелил их едва заметно, и от этого казалось, будто лес дышит. Ждёт. Ещё немного — и вся эта застывшая армия призраков двинется с места, заскрипит, расправит сучковатые пальцы и пойдёт давить всё живое, что осмелилось сюда забрести.

Я отвернулась, потом снова посмотрела. Глупо. Но не смотреть было ещё хуже.

Туман стелился между стволами, прятал корни, чёрные лужи, провалы в земле. Болота подступали совсем близко. Я видела тёмную воду, затянутую тусклой плёнкой, кочки, заросшие мхом, редкие мёртвые камыши. Там можно было согнуться в трёх шагах от дороги. Тихо, без крика, как будто тебя и не было.

— Как здесь вообще живут люди? — шёпотом сокрушалась я.

— С оглядкой на Брешь, — ответил Хальтен.

Да уж, так себе жизнь.

Когда лес расступился, на горизонте появился Карветхолл.

Внутри всё неприятно сжалось, захотелось остановить машину и вернуться на станцию, к поезду, в цивилизацию, к солнцу и людям. Даже Академия больше не казалась местом заточения.

Замок смотрел на меня с холма, как чёрный страж, который не спит уже много веков. Стены тёмные, мокрые, источенные ветром. Камень почернел от вечной сырости, местами облупился, местами блестел, словно его покрывала тонкая плёнка воды.

Узкие высокие окна напоминали щели, за которыми кто-то мог стоять и наблюдать за долиной, не выдавая себя. Над главной башней рвались на ветру чёрные флаги с красными драконами. Дозорные башни поднимались по углам, острые, как зубья старой короны.

Ни одного тёплого огонька, ни единого знака, что внутри вообще есть жизнь.

Над замком кружили вороны. Целые стаи. Они срывались вниз, снова взмывали вверх и хрипло каркали, будто спорили из-за падали.

Ещё выше висели иссиня-чёрные тучи — плотные, тяжёлые, готовые рухнуть на замок. В одном месте они не сходились до конца. Там чернела Брешь. Рваная дыра в небе. Слишком тёмная даже для грозы.

Я уставилась на неё и каждой клеточкой тела осознала, что больше не хочу здесь находиться.

Но лимузин уже поднимался к воротам. И дороги назад, похоже, не было.

4 глава

Тяжёлые ворота Карветхолла медленно расходились в стороны. Появилось ощущение, что звук у них какой-то живой, будто кто-то очень старый, недовольный и голодный медленно разжал зубы, принимая новую жертву.

Слухи не вдали — Приграничье явно не то место, где захочешь провести летние каникулы.

Лимузин медленно проехал под аркой, и замок навис над нами окончательно. Издалека он казался просто мрачным, вблизи — пугал зловещей тяжестью. Шершавый камень покрылся черно-серыми пятнами, пропитанный дождём и копотью. В узких окнах едва заметно дрожал тусклый свет. По стенам тянулись чёрные трещины, как прожилки на старой кости. Ветер свободно гулял по двору, и даже здесь, за стенами, пахло тем же, чем в дороге: страхом, болотной водой и гниющим лесом.

— Элвуд, не отставайте, — напряжённо проворчал Хальтен, когда слуга распахнул перед нами дверь.

Я вздрогнула и поспешила за замдеканом, как последним лучиком света в вечном мраке. Теперь от него лучше вообще не отходить, чтобы не попасть в передрагу. А я могу. Проблемы на ровном месте — моё второе я.

— И не собиралась, — фыркнула в ответ.

Внутри оказалось ещё холоднее. Я не сразу это поняла. Сначала меня просто придавило пространством. Высокие каменные своды уходили вверх так далеко, что терялись в полумраке. По стенам висели гобелены, выцветшие, тяжёлые, с какими-то старинными сценами охоты и битв, но цвета на них словно кто-то выпил до дна.

Пол под ногами был из тёмного камня, гладкого, как лёд. В нишах горели факелы, в огромных каминах трещал огонь, только толку от него почти не было. Пламя жило своей жизнью, жаркое на вид, но воздух всё равно оставался сырым, стылым, продуваемым сквозняками.

Прислуга двигалась бесшумно и быстро. Люди будто возникали из боковых коридоров и в них же исчезали. Серые платья. Тёмные ливреи. Опущенные глаза. Замок был так велик, что даже шаги тонули в нём без следа.

Нас провели через один зал, потом через другой. По длинным галереям, где между колоннами качался тусклый свет. Мимо лестниц, уходивших вверх и вниз. Мимо дверей, высоких, резных, запертых. Я почти сразу потеряла направление. Если бы меня сейчас оставили одну, я бы не нашла даже ту дверь, через которую вошла.

И это понимание мне совсем не понравилось.

Чтобы перебороть волнение, я вспоминала имена герцога, герцогини и их наследника. Хорошо, что в интернете можно найти любую информацию. И в сотый раз прокручивала в голове правила. Не забыть поклониться. Не язвить. Не спорить. Прикинуться ветошью и не отвечивать — вот самое правильное поведение в таком месте.

— Вы побледнели, — негромко заметил Хальтен, сбавляя шаг.

— Здесь как-то зябко. И страшно.

— Помните о правилах, и всё будет хорошо.

— Только о них и думаю.

Я стиснула зубы. Хотелось ответить что-нибудь ядовитое. Но он, к сожалению, был прав.

Тронный зал оказался таким же огромным, как всё остальное, только ещё темнее. Или это мне уже мерещилось. Высокий потолок терялся в тенях. Вдоль стен стояли канделябры, и огонь в них дрожал от постоянного сквозняка. В глубине трещал нереальных размеров камин, сложенный из чёрного камня. Пламя в нём было ярким и жадным, как в кузнечном горне, но

тепло не доходило даже до середины зала. Я почувствовала его только лицом. Руки оставались ледяными.

На возвышении стояли три кресла. Посередине красовался шикарный трон. Самый настоящий, как в королевских дворцах: тяжёлый, резной, с высокими подлокотниками в виде драконьих голов и красным бархатом на спинке.

И на всём этом великолепии нас уже ждал сам герцог.

Даже сидя он производил впечатление существа, которому тесно в любом помещении. Широкие плечи. Прямая спина. Сильные руки, спокойно лежавшие на подлокотниках. Серебряные волосы спадали неровной копной, напоминая: передо мной не человек, а дракон. Из тех самых, старших, с которым не станут пререкаться ни люди, ни другие драконы. Тонкая полоска губ, не то поджатая, не то вечно серьёзная, и волевой подбородок, как и полагается правителям. А ещё глаза — жёлтые, холодные, внимательные. В них пряталось что-то хищное, собранное и слишком терпеливое для человека.

Ланред Неммор не шелохнулся, когда нас объявили. Только смотрел. Внимательно, почти не моргая, будто пытался пробраться под кожу и вытащить наружу все тайные мысли. И это, как ни странно, у него почти получалось.

В животе затянулся тугой узел из страха, восхищения и чего-то совсем интригующе тайного, о чём даже думать было стыдно.

Я и сама не понимала, что ударило сильнее: хозяин Приграничья или то, как я на него отреагировала. Потому что это был не обычный страх перед герцогом и не просто волнение. Я стояла рядом с Хальтеном, слушала слова упитанного, но очень важного церемониймейстера, а кожей чувствовала чужое внимание. Так остро, будто кто-то подошёл вплотную. Словно невидимые руки уже тянулись ко мне — нагло, медленно, не спрашивая позволения. Касались шеи, ключиц и плеч. Скользили ниже. Пытались сорвать слишком пёструю для этого места футболку, вырвать ремень, разорвать молнию на джинсах.

Меня бросило в жар. А потом сразу в холод. Стыд ударил так сильно, что от собственных мыслей я чуть пошатнулась.

Что со мной вообще творится? Я впервые в жизни видела герцога Ланреда. Да, он был красив. По-настоящему. Не изящной скульптурной красотой, как некоторые драконы, а тяжёлой, мужской. Такой, от которой становилось неудобно. Но это же не повод сходить с ума!

Герцогиня сидела справа. Если бы я не знала, кто она, сразу бы и не поняла. Старинное серое платье, глухое, почти без украшений. Лицо бледное, тонкие пальцы сложены на коленях, как у примерной ученицы. Она не казалась ни величественной, ни испуганной. Вообще никакой. Тихая, молчаливая и неприметная. Её глаза скользнули по мне и Хальтену без интереса, словно мы были частью обычного распорядка, который давно перестал её волновать.

Слева сидел принц Карин. И вот он, в отличие от матери, был очень даже живым. Шестнадцать лет, единственный ребёнок и наследник Карветхолла. Угловатая худоба ещё не ушла, но черты уже намекали на будущую жёсткость. Светлые, почти как у отца, волосы были убраны небрежно. В жёлтых глазах плескалась откровенная дерзость. Он разглядывал нас так, будто ему заранее всё наскучило, а теперь попало хоть что-то новое.

— Замдекана, добро пожаловать в Приграничье, — произнёс герцог. — Я слышан о первом человеке в Академии на столь высокой должности.

Голос у него оказался низким, ровным, без лишней громкости. Но зал как будто подстроился под него и затих ещё больше.

Хальтен поклонился.

— Ваша Светлость, благодарю за личный приём.

Взгляд метнулся на меня. Хотя, казалось, герцог и не прекращал смотреть.

— Леди Элвуд. Наконец-то стены моего замка принимают легендарную кровь целителей Элвудов.

Я сделала реверанс и только когда выпрямилась, поняла, что герцог продолжает смотреть именно на меня.

— Уверен, вам понравится моё собрание редких трав и вы захотите вернуться после учёбы.

— Посмотрим, — ответила я, прежде чем успела подумать.

Сбоку заметно напрягся Хальтен.

Уголок рта герцога чуть дрогнул. Не улыбка даже, а что-то снисходительное на грани надменности. Словно его потешил мой опрометчивый ответ.

Несколько секунд ничего не происходило. Только огонь трещал в камине, и сквозняк тянул по полу так, что у меня мёрзли щиколотки. Потом Ланред перевёл взгляд на Хальтена, и мне стало чуть легче. Совсем чуть-чуть.

Они обменялись короткими формальностями. О практике. О лекарском крыле. О том, что Приграничье в последние недели беспокойно. При слове Брешь в зале словно стало темнее, хотя, наверное, мне почудилось.

Формальные беседы выглядели скучными. Мне хотелось согреться, а не слушать приторные эпитеты Хальтена о важности Карветхолла для всего мира. Да и перекусить бы не помешало. С каких пор важные правители заставляют гостей голодать?

Словно прочитав мои мысли, Ланред снова уставился на меня цепким взглядом.

— Вам следует отдохнуть с дороги, — произнёс он, чуть повысив голос. — А вечером присоединитесь к ужину. Ничего особенного, мы не любим шумные пиры.

— Благодарю, Ваша Светлость, — ответил Хальтен.

Я повторила за ним.

Герцог кивнул слуге, и тот бесшумно выступил вперёд.

Первая встреча показалась не самой дурной. Никто на меня не наорал, не выгнали прочь и не пригрозили палачом. Даже на ужин пригласили. Неплохо. Если смогу продержаться целый месяц и особо не попадаться на глаза герцогу, то это будет большая победа.

Мы шли за слугой по холодным коридорам замка, когда навстречу нам попала служанка.

Невысокая, худенькая, она могла быть и двадцатилетней, и сорокалетней — из тех женщин, чьи годы давно стёрла постоянная усталость. Светлые волосы были туго стянуты в пучок. Серое платье сидело опрятно, но на манжетах темнели следы золы. Лицо бледное, простое, почти незаметное, если бы не глаза: внимательные и цепкие для такой усталой внешности.

— Для леди Элвуд приготовлены покои в Северной башне, — негромко сообщил наш провожатый. — Господину Хальтену отвели комнаты в восточном крыле.

Я невольно вскинула голову.

В разных концах замка. Это ещё почему? Глупо, конечно. Я не ребёнок и не обязана держаться за единственного знакомого человека только потому, что местная атмосфера действовала на нервы. И всё же именно в этот момент мне до смешного сильно захотелось возразить. Сказать, что это неудобно. Что мы приехали вместе. Что мне будет спокойнее, если...

Если что?

Если ночью меня снова разбудит ощущение чужих невидимых рук?

Если я вдруг заблужусь в бесконечных коридорах?

Я вцепилась взглядом в Хальтена, надеясь, что уж у него-то хватит храбрости сказать хоть слово.

— До вечера, леди Элвуд, — с привычной насмешкой улынулся он, сделав особый упор на «леди». Так меня в Академии никто не называл.

— И это всё? — вырвалось у меня, прежде чем я успела прикусить язык.

Он посмотрел внимательнее.

— А что вы хотели услышать?

Да что угодно, только не это.

Вот так просто Хальтен бросил меня посреди жуткого замка, словно вовсе не обещал присматривать. А если я потеряюсь? Если нарушу какое-нибудь местное правило, о котором никто не счёл нужным предупредить? Если вообще умудрюсь сотворить что-нибудь особенно постыдное? Я такая, я умею.

Но вместо всего, что крутилось в голове, сухо бросила:

— Ничего.

В его глазах мелькнул странный огонёк. Не то усталость с раздражением, не то он всё-таки понял, насколько мне не по себе.

— Запоминайте повороты, — шепнул он. — И не ходите по замку одна по ночам.

После чего развернулся и ушёл.

Прекрасно. Успокоил так успокоил.

Меня провели ещё по двум лестницам и длинному коридору с узкими окнами, за которыми уже сгустились ранние сумерки. Шаги гулко отдавались под сводами, и с каждым поворотом мне всё сильнее казалось, что назад дорогу я уже не найду.

Наконец, служанка остановилась, распахнула дверь и молча отступила в сторону.

Покои оказались роскошными. Настолько, что на несколько секунд я даже забыла о тревоге.

Огромная комната — не меньше гостиной в родительском доме и уж точно несравнима с тесными академическими комнатухами. Высокий потолок пересекали тёмные резные балки. Посреди спальни возвышалась широкая кровать под тяжёлым балдахином, с покрывалом цвета старого вина и целой горой подушек. Вся мебель — от шкафа до ширмы у камина — была вырезана из тёмного дерева и отполирована до мягкого, тёплого блеска. На спинках кресел вились вырезанные драконы, листья и какие-то мелкие звери. Ковёр под ногами был густым, с узором из переплетённых серых и красных линий, похожих на следы огня в пепле. Даже занавеси были тяжёлые, бархатные, с кистями.

И всё это — красивое, дорогое, безупречное — почему-то не делало комнату уютной. Здесь тоже было холодно. Не так чтобы шёл пар изо рта, но достаточно, чтобы я сразу обхватила себя руками.

Служанка прошмыгнула следом, наводя суету среди тяжёлой мебели. Потом влетела ещё одна с моим чемоданом, поставила у двери и тут же исчезла. Розовый чемодан совершенно не подходил ни по цвету, ни по форме под здешний интерьер. Захотелось немедленно спрятать его подальше, чтобы не портил вид.

5 глава

— Симпатично у вас здесь, — улыбнулась я не то служанке, не то сама себе. — А розетки где?

Девушка застыла у камина с поленом в руке.

— Так ведь нету, — заволновалась она. — В Карветхолле нет электричества.

— В смысле? Оно везде есть! Мы же не посреди океана, где до цивилизации плыть тысячу вёрст на пингвинах. А телефон как заряжать? А ноутбук? А подружкам звонить? Чёрт бы меня подрал, надо было магофон брать, как все нормальные люди!

Служанка резко закачала головой:

— Магофон не поможет, из-за Бреши ничего не проходит. Но позвонить можно, только надо подойти ближе к окну.

Супер. Я попала в настоящий средневековый замок, и общаться с подружками из Академии придётся голубиной почтой. Просто, блин, шикарно!

— Нам много раз пытались провести электричество, — затараторила служанка и вернулась к разжиганию камина. — Но провода и трубы в болотах моментально гниют, а по воздуху их срывают зимние вьюги.

— Человечество придумало генераторы.

— Они шумные. Его Светлость не переносит шум.

— И поэтому вы живете, как в средневековье? Это чертовски странно! Нет розеток, нет батарей, нет интернета. Я в аду!

— Батареи не нужны, — улыбнулась служанка. — Сейчас станет тепло.

Она быстро опустилась на колени, ловко подбросила поленья, открыла заслонку и прошептала что-то совсем тихо. Магия. Пламя вспыхнуло сразу яркими языками. Воздух наполнился смолой и горячим камнем.

— Меня зовут Эна, — сказала она между делом. — Я приставлена к вам на время пребывания в Карветхолле.

Ого, личная прислуга. Вот эта часть средневековья мне нравилась. Больше не придётся самой мыть посуду и заправлять постель. Тем более здесь такая кровать, что задолбаешься вокруг неё бегать.

— Вам бы ещё горячую ванну принять, — разболталась Эна. — С дороги. Здесь все мёрзнут поначалу.

— Не возражаю, — призналась я, ощущая себя почти королевой, но не такой бледной, как супруга герцога.

Не возражаю — это мягко сказано. Я замёрзла так, что, кажется, даже мысли звенели от холода. Эна снова кивнула и поспешила отодвинуть ширму, за которой пряталась красивая медная купель, а сама побежала к выходу.

Я осталась одна у огня.

Камин трещал сырыми дровами. Тени качались на резных спинках кресел. За окнами ветер бил в стекла, пытаюсь сквозняком пробраться в комнату. Где-то очень далеко, внутри замка, хлопнула дверь.

Мне следовало радоваться. Меня устроили с королевским размахом. Вечером будет ужин. Завтра начнётся практика. Всё шло как надо.

Но внутри нарастало другое чувство. Тихое и упрямое. Как будто что-то неведомое сдвинулось с места и теперь наблюдало за мной из темноты.

И в центре этого чувства стоял герцог Ланред.

Я села в кресло у камина и поднесла ладони к огню. Они всё равно были холодными. А кожа на шее до сих пор помнила то, чего не было. Те бесстыдные, невидимые прикосновения, которые я сама себе придумала в тронном зале.

Эна вернулась быстро, а за ней шла целая вереница служанок. Тихих, шустрых, с одинаково опущенными головами, в однотипных серых платьях. У каждой в руках было по ведру, от которых валил пар. Они не сказали ни слова. Только зашуршали юбками, расступились у ширмы, и в комнате сразу стало влажно, жарко и тесно.

Я стояла в стороне и смотрела, как они наполняют огромную ванну за резной ширмой. Вода лилась с тяжёлым, уютным звуком, который почему-то здесь, в холодных и недружелюбных стенах Карветхолла, казался неприлично нормальным и живым, непохожим на всё остальное в этом замке.

Одна из служанок бросила в воду маленький мешочек с травами. Сразу потянуло лавандой, чем-то хвойным и ещё — мятой, холодной, лекарской. Она должна успокоить нервы, и это очень кстати. Мои нервы на пределе и почти готовы лопнуть.

Стайка служанок так же быстро исчезла, как появилась. За ними вышла и Эна, задержавшись на пороге ровно на секунду.

— Если что-то понадобится, позовите.

Дверь закрылась.

И вот теперь мне стало совсем не по себе.

Тишина навалилась сразу. Пламя в камине трещало, где-то в стенах гулял ветер, за окнами появились едва различимые в сумерках стаи ворон. Но это все были не те звуки. Настоящая тишина в Карветхолле была другой — как будто замок слушал. Ждал. Привыкал ко мне.

И всё равно у меня было стойкое ощущение, что я не одна в комнате.

— Прекрати, — тихо сказала я себе.

Я прошлась по комнате. Сначала просто так, чтобы чем-то занять ноги и голову. Следом еще один круг, только уже внимательней. Я осмотрела каминную полку, провела пальцами по резьбе. Проверила подоконник. Заглянула за портьеры. Потом, чувствуя себя полной дурой, принялась искать скрытые камеры.

Ну а что? Мир давно уже не состоял из одних свечей и мечей. В эпоху скоростных поездов, самолётов и интернета можно ожидать чего угодно. Приграничье, конечно, жило по своим правилам, но это не значило, что здесь не могли следить.

Я проверила углы под потолком. Осмотрела раму зеркала. Подняла лампу. Наклонилась к книжному стеллажу. На миг мне даже почудилось, что один из вырезанных драконов на спинке кресла смотрит на меня слишком уж осмысленно.

— Только попробуй, — пробормотала я ему.

Дракон, к счастью, промолчал.

Ничего подозрительного найти не удалось. Ни линз, ни блеска зачарованных глазков, ни следов встроенных кристаллов. Только старое дерево, пыль в труднодоступных местах и собственное нарастающее раздражение.

Потому что легче не становилось. Странное чувство чужого внимания не уходило. Такое же тяжёлое и неспешное, как в тронном зале.

Я остановилась у зеркала и посмотрела на себя. Бледная, как моль, волосы растрепались после дороги. Глаза слишком посерели от усталости, потеряв зелёный блеск. На щеках ни кровинки. И только губы почему-то казались ярче, чем обычно, будто я кусала их всю дорогу и не замечала этого.

6 глава

Холод снова пробрался под одежду. Он был здесь везде — в стенах, воздухе, тенях за мебелью. Даже жар от камина толком не спасал. И, в конце концов, тело победило тревогу. Хотелось просто согреться. Пусть хотя бы на десять минут.

Я подошла к ширме и замерла, разглядывая отсветы свечей на натёртой до блеска медной ванне.

Смешно. Я боялась не темноты за окнами и не Брешь, нависшую над замком. Смятение шло от хозяина замка. Не потому, что он герцог. Подумаешь, в нашем мире правителей и знатных домов — как грязи. Я почему-то слишком остро помнила жёлтые глаза Ланреда и то невозможное чувство, будто он коснулся меня ещё там, в зале, не шевельнув даже пальцем.

— Чушь! — фыркнула я и начала стягивать футболку.

Футболка, джинсы и нижнее бельё остались валяться на полу. От воды поднимался густой пар. Он гладил кожу согретым воздухом ещё до того, как я опустилась в ванну.

Первое прикосновение жара было почти болезненным.

Я судорожно втянула воздух и медленно села глубже. Вода обняла плечи, грудь, колени. Горячая. Даже слишком. Но через несколько секунд тело начало оттаивать, и я прикрыла глаза, погружаясь в блаженство.

Вот это уже было похоже на жизнь.

Я откинулась на край ванны и долго сидела неподвижно, слушая, как бьётся сердце. Постепенно оно успокаивалось. Пальцы перестали дрожать, напряжение из спины уходило лениво и неохотно. Аромат трав, нагревающейся меди и влажного камня успокаивал. Сквозь прорези в ширме пробивался свет из камина. На старых стенах качались полосы огня, и тени от резьбы ложились узорами — драконьи шеи, ветви, когти, ломаные линии.

Я смотрела на них слишком долго. Должно быть, поэтому заметила не сразу, что одна из теней не повторяла узор ширмы. Сначала подумала, что это просто игра света. Пламя качнулось, рисунок поплыл, на стену лёг тёмный силуэт, выше и чётче остальных. Причудится же! Я вздрогнула и быстро заморгала. Силуэт не исчез.

Он стоял чуть в стороне, принимая человеческие очертания. Голова, широкие плечи, узкие бёдра. Можно поклясться, что в комнате находился мужчина, вот только я была одна.

Спина резко выпрямилась, расплескав воду.

Я видела край ширмы, кресло у камина, дверь, стол, зеркало. Совсем пусто! Но на стене тень оставалась. Высокая, с характерным наклоном головы, который я хорошо запомнила за нашу единственную встречу.

Вода стала тяжелее, сковывая моё тело, как ледяные глыбы. Дыхание застряло где-то посередине.

— Что за бред, — шепнула я.

Рядом с мужской тенью дрогнула моя собственная. Я подняла руку, и моя тень подняла тоже. Провела пальцами по воде — на стене повторилось движение. Мужская тень не двигалась несколько бесконечных секунд, а потом очень медленно наклонилась ко мне.

Я вжалась в край ванны, но ничего не произошло.

То есть произошло. Просто не так, как должно было.

Я не увидела никого рядом, не услышала посторонних звуков, но кожа на шее вдруг вспыхнула так, словно её коснулось чьё-то дыхание. Не воздух, а именно дыхание — горячее и слишком близкое.

Всё тело сковало цепями страха.

Потом ощущение сместилось ниже. Вдоль линии горла и плавно поплыло к ключице. Так легко, будто меня едва задели пальцами или кончиками длинных волос. Я резко обернулась — за спиной была только ширма и пар.

На стене тень герцога склонилась ещё ближе.

— Не может быть, — прошептала я.

Тело, к моему ужасу, было с этим не согласно.

Меня бросило в жар сильнее, чем от воды. Я чувствовала каждый сантиметр собственной кожи. Будто её заново обнажили нервами. Ладони скользнули по бортику ванны, пальцы сжались. На груди выступили мурашки, хотя вода оставалась горячей.

Невидимое прикосновение снова прошло по плечу. Но теперь медленнее и увереннее. Спустилось по руке до запястья и вернулось, уже ближе к груди. Я слышала только воду и собственное дыхание, сбивчивое, невыносимо громкое в окружающей тишине.

Мне следовало выскочить из ванны. Закричать. Позвать Эну. Сделать хоть что-нибудь.

Но я не двигалась.

Потому что страх спутался с другим чувством. Грязным и марким, почти невыносимым. Тем самым, от которого мне ещё в тронном зале хотелось то ли бежать, то ли смотреть на Ланреда до последнего, пока он не прикажет опустить глаза.

Тень на стене подняла руку.

Я не почувствовала прикосновения сразу. Сначала только вес чужого присутствия, почти нависшего надо мной. Потом как будто длинные пряди скользнули по груди, невесомо, дразняще. Их не было. Я понимала это. Но ощущение было таким явным, что я судорожно вдохнула и закрыла глаза.

— Что вы делаете... — вырвалось у меня хрипло. Я не понимала, спрашивала ли, умоляла или просто хотела услышать собственный голос.

Ответа не было, только новая волна тепла. Ласкающая и настойчивая. Она шла по коже, под водой и над водой, лишая меня последних разумных мыслей. Невидимые ладони изучали неторопливо, как хозяин, имеющий право на такую близость. И именно это пугало сильнее всего.

И сводило с ума тоже. Ведь в своём доме герцог имел право делать всё, что пожелает.

Я прикусила губу, боясь проронить слишком громкие звуки, когда ощущение стало глубже, теснее, ближе к тому, что уже нельзя было списать на испуг или фантазию. Вода плеснула о края ванны. На стене моя тень дрогнула. Мужская придвинулась почти вплотную.

Оставалось наблюдать, как силуэт Ланреда склоняется к моей груди. Касается невидимыми губами, осторожно ласкает напряжённые вершинки. Чувствовала, как ловкие пальцы нагло изучают тело под водой, опускаясь всё ниже, ныряя между напряжёнными ногами. Потом невидимые руки коснулись колен и раздвинули их в стороны. Резко. Почти болезненно. Вода плеснула громче нужного, переливаясь через края ванны, заставляя вздрагивать от шума, касаний, разрывающих тело ощущений.

Он не собирался останавливаться. Наоборот, почуввав мою беспомощность, стал покусывать соски, сначала нежно, потом сильнее. Клянусь, я слышала его рычание. Почти нечеловеческое. Драконье. И в ответ едва заметно стонала, испытывая сладкую боль, которая растекалась по телу огненным жаром.

Руки скользнули с колен, снова исчезли под водой и, не встретив сопротивления, принялись изучать самые нежные места. Сантиметр за сантиметром, клеточка за клеточкой. Он медленно водил пальцем вокруг, нажимая именно в тех местах, которые отзывались ярче всего. Словно знал, что мне надо и как надо.

По телу растекалась уже иная волна. Она жила глубже и выжигала каждую клеточку. Наконец, две волны встретились внизу живота, заставляя тело выгибаться, двигаться ему

навстречу. Я не ощущала больше ничего: ни тепла воды, ни запах камина, во всём мире остались только его прикосновения.

Ещё одно движение. Резкое. Напористое. Его пальцы оказались в узком пространстве, упрямо растягивая его.

Меня ударило молнией. Самым настоящим разрядом, пролетевшим через всё тело и оставшимся между ног. Внутри всё сжалось в один тугий, горячий узел. Ещё немного и я бы не выдержала. Я уже не осознавала, чего хочу больше: чтобы это немедленно прекратилось или никогда не заканчивалось. Щёки горели, дыхание рвалось. Комната качалась в оранжевых бликах огня.

И именно в этот момент с громким скрипом открылась дверь. Звук разрезал наваждение мгновенно, и тень исчезла. Просто исчезла, как будто её никогда не было. Остался только рисунок ширмы на стене, качающееся пламя и я — в ванне, со взъерошенными волосами, сердцем где-то в горле и дрожью во всём теле. А ещё с ужасным, острым, неоконченным чувством, от которого хотелось то ли плакать, то ли выть.

— Леди Элвуд? — послышался голос Эны. — Простите, я принесла...

Я рывком подтянулась выше в воде, пытаюсь спрятать возбуждённую грудь руками.

— Не входи! — резко рявкнула я.

Слишком поздно. Она уже стояла по ту сторону ширмы, и по молчанию я поняла, что остановилась.

— Простите, — тихо повторила Эна. — Я думала, вы уже закончили.

Я на секунду закрыла глаза и глубоко вздохнула. Воздуха не хватало. Кожа всё ещё помнила невозможные прикосновения. Между ног всё горело и пульсировало, требуя окончания.

— Сейчас... минуту. Я уже выхожу.

— Это вам, — чуть громче произнесла Эна и протянула через ширму сложенные полотенца. — И платье для ужина на кровати. Вас ждут через полчаса.

— Ага... да... хорошо. Я разберусь, спасибо.

Эна помедлила. Совсем чуть-чуть. Словно почувствовала что-то странное. Или услышала в голосе больше, чем следовало.

Полотенца легли на спинку кресла. Потом дверь снова закрылась.

Я осталась одна.

Только теперь это уже не помогало.

Я сидела в воде, которая вдруг показалась едва тёплой, и смотрела на стену, где минуту назад была его тень. Пусто. Ничего. Лишь старый камень и огонь.

И хуже всего было то, что меня трясло не от ужаса, а оттого, что меня лишили последнего шага. Остановили на полувдохе, в мучительном, обрывающемся ожидании. Словно кто-то нарочно показал мне край бездны и оттащил назад в тот момент, когда я уже была готова сорваться.

Я медленно провела рукой по шее, плечу и влажной коже груди — там, где ещё лежало чужое тепло. Пальцы дрогнули, но не могли подарить и толики тех ощущений.

— Всего лишь наваждение, — прошептала я в пустую комнату. — Дурацкое наваждение.

Камин тихо треснул, но ничего не ответил, посмеиваясь над моим замешательством.

7 глава

Я вышла из ванны, ещё горячая, будто меня не водой отмыли, а кипятком выварили вместе со всеми нервами. Воздух в спальне оставался прохладным. На кровати лежал обещанный наряд.

— Да вы издеваетесь! — возмутилась я вслух.

Платье выглядело тряпочкой. Иначе не скажешь. Тонкое, как паутина на рассвете, светлое, с жемчужным отливом, на узких бретелях, с глубоким вырезом и разрезом сбоку почти до бедра. Ткань струилась между пальцами, а когда я подняла его за плечики, сквозь него отчётливо виднелся тёмный силуэт кресла. Такое и для сна-то надевать неловко. А уж на ужин к герцогу и подавно.

Рядом лежал длинный вязаный кардиган. До самого пола. Серый, мягкий и тяжёлый, с широкой меховой оборкой по вороту и рукавам. Вот он выглядел как вещь, созданная для нормального человека, а не для чьей-то большой фантазии.

Хотя в этом замке, кажется, и фантазии были ненормальные.

Стиснув зубы, я натянула платье. Прохладная ткань скользнула по телу, и сразу стало не по себе. Будто я не оделась, а наоборот, сняла с себя последнюю защиту. Кардиган спасал. Не полностью. Но хоть как-то. Я запахла его плотнее, потом встала перед зеркалом.

В отражении на меня смотрела не та Миля Элвуд, которую все знали в Академии. Не та, что могла влезть на крышу лекарского корпуса на спор, ругалась с деканом и делала вид, что имею права устанавливать свои порядки. Я же из Элвудов, мне всё можно!

Волосы я кое-как убрала наверх, открыв шею. Щёки после той проклятой ванной снова порозовели. В глазах появился блеск. Только на этот раз какой-то животный и опасный. И это чертовски настораживало. Меня словно затягивало в липкую пучину неизведанного, тайного, тревожного болота, из которого почти невозможно выбраться.

И больше всего страшило, что мне это нравилось. Пока не явно, но глубоко внутри уже шептались мои личные демоны, страждущие выбраться наружу. Они требовали мужского внимания, ласк, риска, страсти. Всего того, на что я до сих пор не решалась. Того, что откроет дверь для девушки девятнадцати лет в мир опасных, но таких сладких наслаждений.

Тень была лишь первым робким шагом. Но я в мельчайших деталях запомнила каждое её движение и как тело отзывалось на прикосновения. Как она двигалась, как замирал воздух рядом. Как по коже шло что-то не похожее ни на страх, ни на стыд, а на всё сразу.

В комнату тихо постучали. Тягучие мысли тут же разлетелись в воздухе, спрятавшись в самых тёмных уголках.

— Леди Элвуд? — раздался глухой голос Эны за дверью. — Его Светлость ждёт к ужину.

Замок вечером был другим. Днём он выглядел просто старым, мрачным и слишком большим, а сейчас казалось, что он прислушивался. За высокими окнами лежала чернота Приграничья — густая, неестественная, будто ночь здесь наступала раньше и была холоднее, чем в прочем мире. Огоньки в настенных факелах дрожали и вызывали нервную улыбку. В эру проводов и интернета они выглядели показным анахронизмом.

Прикрываясь улыбкой, я всё время косилась на тени. На углы, ниши, длинные провалы между колоннами. Искала ту самую, что приходила ко мне.

Обеденный зал оказался огромным. Королевским в полном, неприятно убедительном смысле. Высокий свод терялся в полумраке. Между чёрными колоннами висели старые знамёна с серебряным гербом Неммор. Тёмное дерево длинного стола блестело в свете десятков свечей, а в дальнем конце камин дышал ровным красным жаром.

Но за столом всего две фигуры — герцог Ланред и замдекана в своём любимом строгом костюме. Среди громоздкого величия Хальтен выглядел единственным знакомым пятном. И несмотря на наши прохладные отношения, сейчас я хотела быть поближе к нему.

Герцог поднял глаза первым. В тёмном кителе без лишних украшений, он сидел совершенно неподвижно, и от этого казался ещё опаснее. Серебряные волосы спадали на плечи, жёлтые глаза в свете свечей были светлее золота и холоднее стали. Он пробежался взглядом по платью, кардигану, волосам, остановился на лице и едва заметно улыбнулся.

Совсем чуть-чуть, но у меня моментально подкосились ноги. Потому что я не ошиблась. Тень была его.

Хальтен обернулся следом и, кажется, на несколько долгих секунд забыл, как дышать. Вот уж кто точно не привык видеть меня в платье. Тем более в таком. Его взгляд скользнул по мне быстро, потом вернулся, будто против воли. Челюсть он, конечно, не уронил. Всё-таки замдекана, держать в руках себя умел, но смущение на лице скрывал паршиво.

— Ваша Светлость, — выдавила я и присела в реверансе, который выглядел ужасно неуклюжим из-за одеревеневших ног.

— Мильна, — сухо произнёс Хальтен вставая. — Вы... кхм... вовремя.

Вот спасибо. Очень ценно. Лучше бы ноги размял.

Я села на отведённое мне место и только тогда позволила себе удивиться вслух:

— Мне казалось, на знатных ужинах бывает больше людей.

Ланред взял в руку бокал, но не отпил.

— В Карветхолле не любят шумных пиршеств. Приграничье не то место, где стоит забываться.

— И весёлые гулянки здесь, видимо, тоже не в чести, — пробормотала я.

Уголок его рта дрогнул.

— Именно.

Перед каждым из нас стоял отдельный графин с вином. Тёмное стекло, серебряные пробки, метки на горлышках — разные. Я немного удивилась, но спрашивать не стала. Вдруг здесь так принято? В этом замке и без того хватало вещей, о которых лучше было не спрашивать.

Потом внесли еду, и я на время забыла и про графины, и про тени, и другие дурацкие мысли.

На столе появились глубокие тарелки с густым супом из лесных грибов и корней, пахнущим тимьяном и дымом. Вслед за супом принесли тонко нарезанное мясо, почти наверняка оленина, с пряной ягодной подливой. Запечённая речная рыба в травах. Молодой картофель в масле. Горка маленьких пирожков с печенью и луком. Тёмный хлеб с хрустящей коркой. А ещё — тарелка с крошечными маринованными сливами, от одного их запаха рот сводило.

Я едва не застонала от счастья. Вкусно поесть — почти праздник, пусть и в таком угрюмом месте. Практика практикой, Приграничье Приграничьем, а голодный студент остаётся голодным даже в герцогском замке.

Разговор пошёл между Хальтеном и герцогом. О Бреши, патрулях, состоянии лазарета. О том, хватит ли запасов порошкового серебра на случай активности Бреши. Я молчала, делая вид, что увлечённо слушаю, а сама незаметно таскала пирожки из большого блюда. Да и что мне сказать? Я та самая студентка, которая почти довела до инфаркта самого декана, ибо терпеть не могу всё, что связано с лекарьством. А сюда меня загнали силой, потому что с папой спорить — себе дороже.

Светских бесед я вести не умела. Вообще. Я мастерски умела бесить Хальтена и Ламата. Хототать с Вивиан и Ирминой, обсуждая тщедушных парней с факультета алхимии. Умела громко чавкать в столовой, чем доводила до обморока манерных ведьмочек с факультета общей магии. А вот что говорить, когда напротив сидит герцог, чья тень была в твоей ванной, — нет.

Иногда я чувствовала на себе взгляд Хальтена. Короткий и быстрый, почти раздражённый. Будто он злился — не то на меня, не то на платье, не то на самого себя. Один раз наши глаза встретились, и он мгновенно потянулся к бокалу, хотя до этого долго к нему не притрагивался.

Но милое смущение замдекана меркло рядом с герцогом. Он говорил сдержанно, даже лениво. И ни разу не позволил себе ничего лишнего. Ни словом, ни жестом. Только иногда смотрел на меня, и каждый его взгляд был похож на удар хлыста, под которым прогибалась спина.

— Все эти страшные истории о брозобагах и тьме давно стали мифами, — снисходительно улыбнулся Ланред. — Но каждый миф имеет в своём основании реальную историю. Другой разговор, что одни истории со временем приукрашивают, а другие, напротив, стараются смягчить.

— Благодаря дому Неммор о зле из Бреши не слышали уже много сотен лет.

Ах, Хальтен включил свой любимый приём — поцеловать важный зад покрепче. Или просто умел вести беседы с герцогами. Неважно. Для меня он всё равно останется льстецом и подхалимом.

— Выходит, никакой опасности в Приграничье больше нет? — вмешалась я, глотая пирожок не жуя. — Нет зла, нет сражений, нет смысла в армии лекарей.

— Раз есть Брешь, есть и зло, — ответил Ланред. — Оно никуда не делось, и Карветхолл всегда готов ему противостоять.

Герцог снова уставился на меня, словно ждал следующего вопроса. В глазах плескалось нечто живое, тёмное, терпеливое. Под тонкой коркой человеческой выдержки в нём ворочалось большое, древнее, голодное существо. Оно не делало резких движений, не рычало, не рвалось наружу, но всё слышало и чувствовало. Мои сдавленные стоны, изгибающееся тело, всплески воды.

— Значит, нам нечего бояться, — ляпнула первое, что пришло в голову, лишь бы не думать о тени.

— Рядом со мной — нечего, — кивнул герцог. — И всё же, леди Элвуд, будьте осторожнее. Тьма коварна.

— Ага, буду. Спасибо за предупреждение. А то у вас здесь света нет, жутковато вечерами и можно ноги переломать в темноте.

— И совет, — продолжил Ланред. — Бойтесь не теней, прячущихся во мраке, а тех, кто тени не отбрасывает.

Странное напутствие. Особенно в части теней. Ланред точно всё знал и теперь просто забавлялся.

— Буду внимательнее, — улыбнулась я, покрываясь жгучим румянцем.

Следом беседу перехватил Хальтен, лишь бы я заткнулась и не позорила его и Академию. Вот и хорошо, потому что от стыда у меня язык присох к нёбу и отказывался нормально шевелиться.

И вроде ужин проходил вполне размеренно и мило, но что-то было не так.

Сначала я просто заметила, что Хальтен стал чаще моргать. Следом, что он почти не ест. Потом он зевнул. Один раз, коротко, будто сам на себя разозлился. Через минуту снова.

Я подняла глаза от тарелки.

Он как раз отвечал герцогу про обучение в Академии, запнулся на середине фразы, потёр переносицу и на мгновение прикрыл веки.

— ...практики у травников идут всё лето, — глухо договорил он и потянулся к своему бокалу.

Ланред сидел напротив так же спокойно, как и раньше. Будто всё шло именно так, как он и планировал. Его пальцы лениво скользнули по ножке бокала, жёлтые глаза блеснули в свете свечей.

Хальтен снова зевнул. Уже не пытаюсь скрыть.

— Простите, — сухо бросил он, но даже это слово прозвучало как-то смазанно.

— Дорога была утомительной, — ответил герцог мягко, почти участливо.

Я уже открыла рот, собираясь спросить, всё ли в порядке, но Хальтен вдруг уставился в стол так, словно пытался вспомнить, где находится. Нахмурился. Перевёл взгляд на меня. Проманулся. На герцога. Снова мимо.

— Замдекана Кайлэн? — не выдержала я.

Он ничего не ответил.

Только моргнул медленно, по-человечески беспомощно, и в следующую секунду его лоб с глухим стуком встретился со столешницей.

Я вскочила так резко, что стул отъехал назад.

8 глава

— Хальтен!

Сердце ухнуло куда-то в пятки. Я метнулась к нему, схватила за плечо, дёрнула, но он только что-то невнятно пробормотал и стал ещё тяжелее.

— Что с ним? — вырвалось у меня.

— Ничего, — ответил Ланред.

Я вопросительно уставилась на герцога, но он даже не шелохнулся. Сидел в том же положении, чуть повернув голову, и смотрел на меня с тем невозможным выражением, от которого по коже то ли холодело, то ли, наоборот, становилось слишком жарко.

— Гость просто спит.

— В смысле, просто спит? — переспросила я так резко, что сама испугалась собственного тона.

Герцог чуть склонил голову.

— Именно.

Я уставилась на Хальтена. Потом на его бокал. Следом на отдельный графин возле его тарелки. И меня будто дёрнули за нитку внутри, направив извилины в нужном русле.

Разные графины. Конечно. Я схватила бокал прежде, чем успела подумать, насколько это вообще допустимо в присутствии герцога. Поднесла к лицу, вдохнула. Вино пахло дубовой бочкой, ягодной терпкостью и еле слышно, но отчётливо — сладковатой сухой горечью.

Маревник.

— Вы подмешали ему снотворное.

Голос был настолько строгим и твёрдым, что мне бы позавидовали лучшие следователи на допросе.

В зале стало так тихо, что я услышала треск полена в камине. И собственное дыхание — вроде храброе, но сбивчивое. Я вдруг очень ясно осознала, кому именно сейчас дерзила. Не Хальтену, не декану и даже не отцу на худой конец. Герцогу Приграничья. Дракону.

Увы, обратно в рот сказанные слова не запихнуть.

Ланред не рассердился, даже не нахмурился. Он смотрел на меня долго, внимательно, и от его взгляда стало не по себе сильнее, чем если бы он рявкнул.

— У вас острый нюх, леди Элвуд. Нужное умение для хорошего лекаря.

— Зачем вы это сделали? — уже мягче и тише спросила я.

Он медленно поднялся из-за стола. Высокий, спокойный и опасный. Один его взгляд может принести больше бед, чем кто угодно с оружием в руках. Свечи скользнули золотом по его волосам, по жёсткой линии скул, по тёмному вороту кителя. Статный, притягательный, как и большинство драконов. Такой красотой, от которой лучше держаться подальше, если хочешь дожить до старости.

— По глупым правилам я не мог не пригласить вашего сопровождающего.

Он сделал ещё шаг. Не ко мне даже, просто вперёд. Но мне всё равно захотелось спрятаться в самый тёмный угол.

— И потому что видеть сегодня я желал только вас.

Пальцы стиснули ножку чужого бокала так сильно, что стало больно.

— Это... — резко начала я и осеклась. — Недопустимо. Хальтен — заместитель декана, важный и уважаемый человек.

Уголок его рта чуть дрогнул.

— Возможно. Но не важнее герцога. Не переживайте, моя дорогая, к утру он будет бодр и благодарен за отдых.

Я так и стояла, злая, растерянная, испуганная до дрожи. Пугало, что для Ландреда я была открытой книгой. Он видел меня насквозь — мою ярость, страх и странное, постыдное замешательство, в которое меня вгонял один его голос.

— Меня забавляет ваша страсть, леди Элвуд, — тихо сказал Ланред. — И ваша смелость.

Страсть. Слово ударило сильнее пощёчины и заставило вспыхнуть щёки с новой силой. Я разом вспомнила и платье, и ванну, и ту тень, и его глаза сейчас. Захотелось исчезнуть или превратиться в одну из теней, которые беспечно танцевали на старых стенах. И чтобы он перестал смотреть.

— Простите, Ваша Светлость, — выговорила я, опуская глаза. — Я позволила себе лишнее.

— Несомненно, — кивнул он.

И всё же в нем не было угрозы. За властным голосом пробивался игривый тон. Это пугало. Я не понимала, что от меня нужно герцогу Приграничья. Ведь я не принцесса, во мне не течёт королевская кровь. Всего лишь древний род лекарей и травников, которые столетиями служили таким, как Ланред.

Я отступила на шаг, потом ещё на один.

— Вы позволите уйти?

Герцог досадливо кивнул, не произнеся ни слова. И всё время смотрел прямо в глаза, будто хотел загипнотизировать.

Я почти выбежала из зала. За дверью, к счастью, ждала служанка.

— Эна, — выдохнула я, узнав её лицо. — Пожалуйста, проводите меня подальше отсюда.

Она лишь кивнула, будто давно ждала именно с этой просьбы.

Мы шли по коридорам молча и быстро. Эна едва попевала, иногда направляя меня в нужный поворот. Настоящий лабиринт, а не замок!

Я всё ещё чувствовала на себе прожигающий взгляд герцога, хотя двери обеденного зала давно остались позади. Или мне только казалось. Кажется, в Карветхолле слишком многое можно списать на воображение, а потом выяснить, что фантазии вообще ни при чём.

Эна довела до дверей комнаты и попыталась узнать надо ли мне что-нибудь. Да, мне нужны были ответы, что за дурь в голове Ландреда! И что за тени бродят по замку, будоража молоденьких девиц? И кто дал право опаивать гостей? Навряд ли служанка могла бы на них ответить.

Она ушла, а я заперлась и только тогда позволила себе выдохнуть по-настоящему.

Кардиган полетел в кресло. К чёрту аккуратность — содрала его с себя, словно он вдруг стал тяжёлым. В полупрозрачном платье было холодно. И одновременно душно. Я опустила на кровать, потом почти рухнула на неё, уткнувшись лицом в подушку.

Идиотка.

Вот кто я.

Привыкла, что в Академии с меня сдувают пылинки. Кто же накажет Элвуд? Папочка сразу придет разбираться. С ним, как с главой древнего рода, шутки плохи. Слишком много связей среди людей и ещё больше среди знатных драконов. Но даже отец никогда не грубил владыкам. А я, дура, устроила концерт.

Какое мне дело до Хальтена? Да никакого! При других обстоятельствах я бы ещё рассмеялась, что лизоблюда замдекана опоили и он шлёпнулся физиономией прямиком об стол. А сегодня зачем-то встала на его защиту. Ведь он даже не вспомнит! Храпит, поди, лицом в салате, и не знает, что его ненавистная студентка за него заступилась.

Я перевернулась на спину и уставилась в потолок. Справа у кровати, стоял серебряный подсвечник на три свечи. Огоньки дрожали, и тени от них ползли по стене и потолку, ломаясь об испещрённый камень, вытягиваясь, сливаясь друг с другом.

Не сразу я заметила странное. Одна тень двигалась не так.

Сначала неприметно. Потом отчётливее. Тёмное пятно на стене вытянулось, стало выше, шире в плечах. Внутри всё похолодело, хотя испуга в этот раз не было. Только злость. Упрямая, почти детская, но настоящая. Вино ли делало смелее или природная дерзость — не разобрать.

— Да сколько можно! — прошипела я.

Силуэт на стене замер. Словно услышал.

Я села на кровати, глядя прямо на него. Бояться надоело.

— Пошёл вон!

Если тени приходят на свет, значит, надо убрать свет. Всё до смешного просто: во тьме нет теней, если только сама тьма не является тенью, жаждущей поглотить и тело, и душу. Я потянулась к подсвечнику и одну за другой задула свечи.

Раз.

Два.

Три.

Комната утонула в темноте.

9 глава

Я проснулась ровно за минуту до того, как за дверью кто-то закопошился. Сначала он осторожно постучал. Потом постучал ещё раз, уже настойчивее. Я молчала, пялясь в серый потолок, на котором играли первые отблески рассвета. Комната за ночь остыла вместе с камином. Но мне было интересно: служанка решится зайти или уйдёт?

— Леди Элвуд? — донеслось из-за двери. — Это Эна. Велено проводить вас в Южную башню.

Практика. Она никуда не делась. Ненадолго забылась в странной суете Карветхолла, но продолжала висеть надо мной гнетущим топором палача.

Я села слишком резко и тут же поморщилась. Голова была тяжёлая, будто я и сама вчера выпила лишнего, хотя к вину почти не притронулась.

Ладно. Практика так практика. Хоть над Хальтеном посмеюсь за его салатный па. Может быть, даже расскажу, кто всему виной. А, может, и нет. Лучше посмеюсь над ним с девчонками в Академии.

Эна проскользнула в комнату с подносом в руках и зелёным платьем на плече. Завтрак был кстати, а вот платье...

— Опять тряпочка? — воскликнула я, разглядывая тонкую ткань и неприлично глубокий вырез, в котором мне нечего будет показать. — Что за прикол? У кого такой вкус?

— С ним идёт шерстяная мантия, — Эна сняла со второго плеча тяжёлую тёмно-зелёную накидку. — Чтобы не замёрзли. Зелёный — это же цвет травников, верно?

Нет, фигушки, не поддамся! Хотя бы в одежде у меня должен быть выбор. Герцогу очень хочется увидеть, насколько округлая моя грудь? Вполне себе аппетитная, но и не картина в музее, чтобы всем демонстрировать!

Моё маленькое бунтарство вылилось в джинсы и тонкий свитер. Почему-то я не догадалась взять с собой тёплые вещи. Не думала, что в Приграничье будет такой собачий холод в конце мая.

Завтрак оказался тоже в стиле Карветхолла: жирное мясо, варёный картофель и обжигающий компот из фруктов и трав. Либо меня решили откормить, как поросёнка перед забоем, либо местные так согреваются. В итоге я кое-как осилила одну картофелину, запила горячим настоем и пошла вслед за Эной по лабиринтам замка.

Мы шли молча. Утренний Карветхолл выглядел сонным и больным. Серый свет сочился в узкие окна, в нишах почти догорели масляные лампы и факелы, каменные стены покрылись тонкой плёнкой влаги, будто замок был готов расплакаться. Где-то далеко глухо звякнул металл. Здесь все звуки тонули в камне и становились чужими.

И ни одного человека в коридорах. Ни стражников, ни прислуги, которой самое время суется перед пробуждением господ.

Южная башня поднималась отдельно от жилого крыла, соединённая с замком крытым переходом. Ещё посреди коридора в нос ударили запахи сушёных трав, старой бумаги, воска и чего-то терпкого, лекарского. Лестница закручивалась спиралью, такой узкой, что плечи всё время цепляли стены. Чем выше мы поднимались, тем теплее становился воздух, будто наверху круглые сутки кипятили отвары.

Зал, в который меня привела Эна, занимал весь верхний ярус башни. Под самым куполом тянулись балки, с них свисали пучки трав, корней, связки серебристых стеблей и сушёных цветов, похожих на маленькие раскрытые пасти. Вдоль стен, между многочисленными нишами окон, тянулись полки — пыльные, старые, до отказа забитые книгами, банками, пузырьками и костяными футлярами. Посреди зала стояли столы, заваленные ступками, резаками, медными

мисками и колбами, в которых лениво клубился цветной пар. В углу потрескивал камин, от которого шла хитрая система покрытых сажей труб, для наилучшей сушки трав под потолком.

Теперь тому, кто посмеет сказать, что у меня бардак в комнате, я покажу обитель лекарей Карветхолла.

Среди всего этого хозяйства копошились два старика.

Первый — высокий и тощий, как подсушенная ветка, с длинными белыми волосами, стянутыми на затылке чёрной лентой. Нос у него был такой острый, что им, кажется, можно было резать бумагу. Он двигался быстро, нервно, щёлкал костлявыми пальцами и разговаривал сам с собой, перебирая сушёные листья в деревянном лотке.

Второй, наоборот, был круглый, низкий и удивительно румяный для своих лет. Его седая борода распушилась веером, а на кончике носа держались очки с толстыми линзами. Он сидел за столом, толлок в ступке что-то ярко-синее и время от времени шумно принохивался, недовольно морщась.

Оба были в зелёных, когда-то одинаковых, а теперь совершенно по-разному проживших жизнь мантиях. И оба выглядели так, будто родились в этой башне, состарились в ней и, если умрут, то просто превратятся в ещё одну банку на полке.

— А-а, студентка! — воскликнул круглый, подняв голову. — Наконец-то! Мы уж подумали, что сбежала девица.

— Поздно пришла, — тут же отрезал длинный. — Уже светло.

Едва я успела открыть рот, как меня тут же перебил круглый:

— Я Марлус, старший травник. А это — Тирвен, второй старший травник, — он указал пухлыми пальчиками на ворчащего тощего старика. — А тебя как звать, девочка?

Учтивый поклон и мысли о правилах. Надо быть вежливой и дружелюбной, иначе месяц практики превратится в ад рядом с этими старикашками.

— Мильна Элвуд, господин Марлус.

Оба травника одновременно нахмурились.

— Это не те самые Элвуды? — осторожно спросил Марлус.

Я молча кивнула. Не найдётся сегодня лекаря, который не знает мою семью.

— Выпендрёжники! — фыркнул тощий Тирвен. — Настоящие лекари здесь, в Карветхолле. А те неженки имя себе сделали, прячась за спинами драконов в войне... — Старик почесал седой затылок, вспоминая, когда именно семья Элвуд сделала себе имя. Не вспомнил. Плюнул и вернулся к деревянному лотку.

Марлус с усмешкой отмахнулся:

— Не обращайтесь внимания на моего коллегу. Он всегда не в настроении по утрам. И после обеда, к слову, тоже. А вечером к нему лучше вообще не подходить.

Тяжёлые двери с грохотом распахнулись и в зал вбежал Хальтен. Взъерошенный, испуганный, будто бежал от стаи брозогов, но они его догнали и немного потрепали.

— Прошу прощения, господа. Телефон сел, из-за этого будильник не сработал.

— О, ещё один опоздавший студентик, — буркнул Тирвен. — До обеда будем всех собирать.

— Нет, нет, я не студент. Замдекана Академии Хальтен Кайлэн.

Он метнулся к тощему старикашке, протягивая ему руку. Тот лишь брезгливо взглянул сначала на ладонь, потом на мужчину.

— Не слишком ли молодой для декана?

— Заместитель, — поправил Хальтен, натянув одну из своих идиотских улыбочек.

— А разница в чём? Всё равно ещё сопляк.

Я не выдержала и хохотнула. Ну хоть кто-то спустил Хальтена с деканских небес на землю. Пусть и ворчливый старик, зато настроение поднял с самого утра.

Марлус, в отличие от напарника, сразу принялся усиленно жать руку Хальтену и восхищаться талантливым молодым человеком. Два подхалима встретились в одном замке. Прелесть. Теперь весь месяц придётся слушать, как они восторгаются друг другом.

Осыпав друг друга комплиментами, господа всё же вспомнили о единственной студентке. С чего начать? С чтения.

Марлус сгрёб мусор с края стола ближе к середине, рукавом мантии вытер пыль и достал с полки целый ворох книг.

— Всё о Карветхолле и об открытиях наших лекарей, — Он ударил ладонью по стопке книг, подняв в воздух облачко пыли. — Пять сотен лет задокументированной истории и уникальных рецептов. Такого больше нет нигде.

— О, как интересно! — Хальтен аж руки вскинул. — Позвольте мне тоже изучить?

Я скривила лицо и полупшепотом передразнила. Зачем замдекану всё это читать? Это меня приговорили к месяцу пыток, а не его!

10 глава

Хальтен выбрал парочку самых старых и толстых книг и уселся напротив. Хозяева, убедившись, что их гости заняты делом, вернулись к своим заботам.

Я взяла первую попавшуюся из стопки книгу и лениво переворачивала страницы. Список целебных растений Карветхолла. Сотни рецептов с названиями, описаниями и максимально натуральными изображениями.

Скукотища!

Названия трав для меня — пытка. Никогда их не запоминала. Мой дар не помнить, чем сороколист отличается от болотного мятника, а держать в руках растение и точно знать, кому оно полезно, а кому может навредить.

На тридцатой странице начало тошнить от длинных описаний. Старички за соседним столом увлечённо смешивали травы, иногда полупшепотом спорили. Судя по запаху лекарственной смеси — у кого-то в замке запор. Хальтен же увлечённо читал историю правления Карветхолла от первых драконов Приграничья и до наших дней.

Это ещё скучнее, чем изучать травник.

В какой-то момент спорящие старички отошли в другой конец зала, и Хальтен, до этого неподвижно сидевший напротив, опустил тяжёлый фолиант и уставился на меня.

— Что? — рявкнула я, тряся книгой. — Я читаю, как и велено!

Замдекана устало улыбнулся, потом потупил взгляд, глубоко вздохнул и почти начал говорить, но слова застряли в горле.

— Что, тоже от запахов воротит? — уже спокойнее спросила я.

— Хочу извиниться за вчерашний ужин. Вино явно было лишним. Надеюсь, я не... — он неловко замаялся, что совсем на него не похоже, — не поставил вас в неудобное положение?

Ужин. Казалось, это было вечность назад. Или я сама себя убедила, что первый день в замке был всего лишь дурным сном. Тени, герцоги, снотворное. Слишком много всего произошло за один короткий день.

Захотелось передать Хальтену слова Ланреда на ужине. Он и не отрицал, что опоил гостя, ведь ждал меня. Зачем я ему нужна? Если бы додумалась вчера спросить, то не терзалась бы сейчас этим вопросом.

И что же сказать замдекану? Может, про тень, которая почти довела до первого в жизни оргазма? Или про слишком заинтересованные взгляды герцога? Да, это будет отличная история! Только Хальтен не поверит. А я не посмею никому рассказать о том, что было в ванной. Это моя тайна. Первая тайна Карветхолла и что-то подсказывало, что не последняя.

— Бывает, — отмахнулась я, выбросив из головы все мысли. — Дорога, холодное Пригранижье, проблемная студентка. Я бы на вашем месте тоже в салате уснула.

— Но я... не в салате!

Хальтен смутился и, кажется, впервые в жизни я увидела, как он покраснел. Целый замдекана стушевал от моих слов! Выглядело очень мило. Надо бы запомнить этот момент.

Шаги за приоткрытыми дверьми я узнала раньше, чем услышала голос. Тяжёлые, неторопливые.

В башне сразу стало тесно, даже старики притихли, прекратив спор из-за очередного зелья. Хальтен выпрямился и моментально изменился в лице. Больше никаких смущённых взглядов, только выдержка, манеры и контроль.

Герцог Ланред остановился в проёме, заполнив собой всё пространство. Высокий, серебряно-волосый, в чёрном пальто поверх герцогского кителя. Тёмный коридор за спиной делал его ещё мрачнее и тяжелее. Только глаза — жёлтые, холодные — жили отдельно от лица.

Ланред оглядел помещение. Скользнул по притихшим старикам, по камину, свисающим травам, мимо Хальтена и остановился на мне. Нахмурил брови. Я не сразу поняла, что ему не понравилась моя одежда.

— Продолжайте, — произнёс он, нарушив вязкую тишину.

От его голоса по спине снова пробежал холодок. Я будто разрывалась между двумя мирами. В одном был давно знакомый Хальтен с его смущением, неловкостью и показательной лестью. В этом мире всё было привычно и понятно. Другой мир представлял собой тягучую тьму, в которой жили жёлтые драконьи глаза и прятались нахальные тени с постыдными тайнами.

— Ваша Светлость, — Хальтен вскочил со стула, кланяясь герцогу.

Следом и я поклонилась, стараясь не смотреть слишком нагло на хозяина Приграничья.

Хальтен прошёл вдоль книжных шкафов, брезгливо смахнул пыль с полки со склянками, заглянул в узкое окно, покрытое слоем серой копоти и паутиной по углам. Наконец, остановился рядом со стариками.

— Разве лекари могут жить в такой грязи? Вы позорите Карветхолл в глазах гостей.

Травники побледнели, страхась смотреть на герцога.

А меня, напротив, разобрало. Потому что заставлять убираться в лаборатории — любимое наказание декана Ламата. По наведению порядка мне смело можно выдать золотую медаль.

— Я сказал что-то смешное?

Взгляд Ланреда метнулся на меня. Стало неудобно, даже страшно.

— Нет, что вы, Ваша Светлость, конечно, нет! Просто уборка, обычно, удел студентов, а у ваших лекарей как раз появилась одна.

Ни тени улыбки на каменном лице.

— Я вас избавлю от удела убираться, леди Элвуд. Идите за мной, я покажу, что в Карветхолле есть не только сырость и грязь.

Ланред соизволил вспомнить о существовании Хальтена и обратился уже к нему:

— Вы же не против, уважаемый заместитель?

Впервые мне стало искренне жаль замдекана. Кто такой Хальтен, чтобы противиться воли герцога? Всего лишь «заместитель». На его лице проявились все эмоции разом: от негодования до покорного кивка.

— Вот и отлично. Я не задержу леди Элвуд надолго.

Пока герцог вёл по бесконечным коридорам, я снова и снова ловила себя на мысли, что людей вокруг почти нет. Огромный замок, Брешь над головой и тишина. Ни солдат, ни обещанных Ирминой драконьих генералов, ни толп служанок, садовников, кухарок и прачек. Кто-то попадался на пути, но в огромном замке люди растворялись, как капля чернил в ведре воды.

Мы преодолели последнюю лестницу и оказались во внутреннем дворе. Прямо перед нами выросла оранжерея — высокая, стеклянная, в тёмных железных переплётах. Над нами не было солнца, только вечный сумрак Бреши, и всё же внутри лился мягкий белёсый свет: под потолком тянулись зеркала, линзы, какие-то медные оправы, ловившие редкое небесное сияние и дробившие его на десятки спокойных лучей. Они ложились на листья, влажные каменные дорожки и цветы, будто под стеклом берегли кусочек другого мира.

Я замедлила шаг. Слева тянулись грядки с лечебными травами. Наверняка старики сами их растили для настоек и целебных зелий. Между лекарственными грядками росли белые лилии, золотые ирисы и целая стена тёмно-красных роз, будто их поливали не водой.

— Нравится? — довольно спросил Ланред.

— Очень, — тихо ответила я. — Не ожидала увидеть такое здесь.

Он едва заметно усмехнулся.

— В Карветхолле нужно беречь всё живое. Особенно редкое. Особенно ценное.

Я почувствовала, что краснею, ещё до того, как он повернулся ко мне.

— Ваш отец обещал уговорить вас остаться на службе в моём доме после Академии. Способные лекари мне нужны. Красивые — особенно. Вы станете украшением этого места.

У меня все слова развалились за звуки и застряли в горле. Никто и никогда не говорил со мной так. Тем более герцог. Что ему ответить? Что мне приятно слышать от него такие слова? Это будет выглядеть вызывающе. Может, правильней сказать, что лекарей выбирают не за красоту? Подумает, что я надменная.

Пока я размышляла, как правильно ответит на комплимент, Ланред сорвал розу и протянул мне.

— Она блёкнет рядом с вашей красотой.

Я неловко взяла цветок и тут же уколола палец. Совсем слегка, но капля крови выступила сразу. Я ахнуть не успела, как герцог перехватил моё запястье — крепко, бережно, страшно — и медленно слизнул кровь с кожи.

Кажется, оставшаяся в теле кровь прилила к щекам, так что сердцу пришлось усиленно работать, чтобы не заглохнуть. Горячее прикосновение, огненные губы. Они не просто заставили сердце остановиться, а прижгли незаметную ранку.

Он поднял всё такие же жёлтые и ледяные глаза. Но теперь с золотой искоркой на самом дне.

— Сладкая, — сказал он хрипло. — И терпкая. Как хорошее вино, которое слишком долго ждали.

Я так растерялась, что не сразу выдернула руку. Стояла дурочкой с приоткрытым ртом и не знала, что делать. Хотелось кричать, не то от страха, не то от волнения.

— Ваша Светлость, простите за наглость, но мне нужно обратно, — прошептала я, с трудом собрав голос. — В Южную башню. К господину Кайлэну. И к лекарям. У нас много дел.

Он смотрел ещё мгновение, и в этом взгляде было что-то такое, от чего в оранжерее стало невыносимо душно.

— Конечно, Мильна, как скажешь.

11 глава

Хальтен не стал спрашивать, о чём мы говорили с герцогом. Он вообще ни слова не проронил, так и продолжил до вечера читать дурацкие книжки и болтать со стариками о невероятных свойствах местной растительности.

Меня для него словно не существовало. Обиделся? Может, ревнует? Ой, да ну, это ж Хальтен. Бесится, что герцог обратил внимание на никудышную студентку, а его — такого умного и важного — прогуляться не позвал.

Мы разошлись на закате. За мной пришла Эна, к Хальтену — назначенный за ним слуга. Кажется, старики-лекари вздохнули с облегчением, когда мы ушли. Не привыкли они к гостям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.